

Л.ЛАГИН

ИЗБРАННОЕ

Лазарь Лагин

Майор Велл Эндью

«Public Domain»

1961

Лагин Л. И.

Майор Велл Эндью / Л. И. Лагин — «Public Domain», 1961

Содержание

1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лагин Лазарь Майор Велл Эндью

**его наблюдения, переживания, мысли, надежды и далеко идущие
планы, записанные им в течение последних пятнадцати дней его жизни**

1

Мало кому известно, что осенью 1940 года во время одного особенно ожесточенного ночного налета гитлеровских бомбардировщиков на Лондон милях в двенадцати по Темзе ниже Тауэр-Бриджа выплеснут был на берег сильным подводным взрывом странный предмет, пролежавший, очевидно, глубоко в тине не один десяток лет. Он был похож на гигантский бак для горючего диаметром в добрых пятнадцать метров. По сей день лично для меня остается непонятным, как он за столь долгий срок ни разу не был обнаружен во время проводившейся время от времени чистки дна Темзы, но обсуждение этой самой по себе интересной проблемы увело бы нас от истории, которую мне хочется рассказать. Этот бак, как мы будем его для краткости называть, определенно не был ни железным (во всяком случае, на нем не было и тени ржавчины), ни алюминиевым. Он тускло блестел особенным коричневато-желтым блеском с золотистыми прожилками, напоминавшими блески в авантюрине. Судя по всему, он был изготовлен из какого-то совершенно необычного материала.

Бомбежка еще не успела отгреметь, как это загадочное сооружение под ударом взрывной волны от упавшей неподалеку тысячекилограммовой бомбы рассыпалось, словно оно состояло из сигарного пепла. Воздушная волна от следующей бомбы развеяла образовавшуюся на его месте коричневую кучу тончайшего порошка.

И тогда на берегу осталась ржавая продолговатая жестяная банка из-под бисквитов.

Уже на рассвете следующего дня она была отброшена на обочину дороги третьим взрывом.

Здесь, на обочине, она пролежала никем не тронутая до середины июля тысяча девятьсот сорок пятого года, когда была замечена прогуливавшейся в этих местах влюбленной парочкой. Только что выписавшийся из госпиталя лейтенант, поскрипывая новеньким протезом левой ноги, наслаждался со своей невестой состоянием «вне войны». Возможно, ему хотелось доказать девушке, что он и с искусственной ногой ничуть не менее подвижен, чем был до ранения на берегу Нормандии. Завидев коробку, он ударил ее носком правой ноги, как если бы дело происходило на футбольном поле. Жестянка отлетела в сторону, раскрылась, и из нее выпал пакет, тщательно завернутый в непромокаемую материю, несколько напоминавшую целлофан, но значительно более плотную, непрозрачную, шуршавшую, как шелк.

При помощи перочинного ножа лейтенант вскрыл слипшуюся упаковку и извлек из нее четыре исписанные убористым, не всегда разборчивым почерком записные книжки в добротных зеленых кожаных переплетах.

Затем молодые влюбленные удостоверились, что эти записные книжки, датированные концом прошлого века, принадлежали некоему майору в отставке со странными именем и фамилией – ВЕЛЛ ЭНДЬЮ¹ – и, судя по началу, трактуют о каких-то теоретических разногласиях между их автором и какими-то столь же безвестными его оппонентами.

Вполне удовлетворившись этими данными, молодая леди без труда уговорила своего жениха не тратить чудесное утро на чтение скучных записок.

Поэтому лейтенант Паттерсон – такова была фамилия искалеченного войной молодого человека – принялся за чтение записных книжек майора Эндью только поздно вечером.

Это было не очень легкое занятие. Почерк майора Эндью иногда становился неразборчивым, слова набегали друг на друга, а строчки метались вверх и вниз, вкривь и вкось, как если бы они писались в темноте или в экипаже, двигавшемся по сильно пересеченной местности.

Лейтенант Паттерсон никогда не интересовался политикой. Тем более проблемами рабочего движения, которым были посвящены первые странички записной книжки номер один.

¹ Well, and you? – Ну, а ты? (англ.)

Пробежав их скучающим взором, он совсем было решил прекратить это малоувлекательное занятие, когда его внимание приковали строчки:

«...Намыливая мне щеки, Мориссон спросил, не слыхал ли я каких-нибудь подробностей о снаряде, упавшем вчера ночью на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингем. Я сказал, что не слыхал. И что скорее всего это обычные вымыслы досужих людей. Никаких артиллерийских полигонов в этом районе нет, нет, следовательно, и артиллерийских стрельб, так что и снарядам на эту пустошь падать неоткуда. Тогда Мориссон произнес нечто такое, что я от удивления чуть не свалился со стула. Он сказал: „Поговаривают, сэр, что это не наш снаряд... что это, смешно сказать, сэр, снаряд с Марса...“»

То, что Паттерсон прочел на следующих нескольких страницах, заставило его броситься к книжному шкафу. Он отыскал в нем роман Уэллса «Война миров», торопливо перелистал его, снова принялся за записи майора Эндью и уже не отрывался от них, пока не дошел до самого последнего использованного листка четвертой книжки.

Тогда он вернулся к «Войне миров», еще и еще раз мысленно прочел те строки из первой главы второй части, которые и в детстве всегда производили на него поистине потрясающее впечатление.

«Было очевидно, что мы окружены марсианами. Едва викарий догнал меня, как мы снова увидели вдаль, за полями, тянувшимися к Нью-Лоджу, боевой треножник, возможно, тот же самый, а может быть, другой. Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали от него по серо-зеленому полю: очевидно, марсианин преследовал их. В три шага он их догнал; они побежали из-под его ног в разные стороны по радиусам. Марсианин не прибег к тепловому лучу и не уничтожил их. Он просто подобрал их всех в большую металлическую корзину, торчавшую у него сзади. В первый раз мне пришлось в голову, что марсиане, быть может, вовсе не хотят уничтожить людей, а собираются воспользоваться побежденным человечеством для других целей. С минуту мы стояли, пораженные ужасом; потом повернули назад и через ворота прокрались в обнесенный стеной сад, заползли в какую-то яму, едва осмеливаясь перешептываться друг с другом, и лежали там, пока на небе не блеснули звезды».

Теперь у Паттерсона не было никаких сомнений: и роман Уэллса, к которому он привык относиться, как к блистательной и остроумной выдумке великого фантаста, и записные книжки Велла Эндью имели отношение к одному и тому же трагическому событию – к высадке на Землю десанта марсиан.

Как ни далек был лейтенант Паттерсон от политики, он все же понимал, что ничего невероятного в такой ситуации не было. Давно ли Англия со дня на день с ужасом ожидала высадки по эту сторону Британского канала вооруженных до зубов, жестоких и беспощадных гитлеровских полчищ? Смерть и разрушения, которые они несли с собой, оставили бы далеко позади то, что успели в свое время натворить уэллсовские марсиане. Лежа в госпитале, пока у него заживала культя левой ноги, Паттерсон имел достаточно времени на размышления о дальнейших судьбах мира. Ему приходилось читать в газетах о Квислинге, маршале Петэне и многих других предателях, не за страх, а за совесть служивших тем, кто нес их народам горе, смерть, разорение, позор и рабство.

И сейчас, прочитав записки неведомого ему отставного майора Велла Эндью, лейтенант Паттерсон подумал, что есть смысл, что даже необходимо поскорее опубликовать этот удивительный и страшный человеческий документ.

Опасаясь, что в процессе публикации записок, возможно, кое-что сократят, и желая сохранить у себя полный текст, он потратил добрую неделю на то, чтобы собственноручно снять с них машинописную копию.

Завершив этот акт благоразумной предусмотрительности, Паттерсон собрался в редакцию той газеты, которая была высочайшим и непререкаемым авторитетом для четырех поколений Паттерсонов. С новенькой медалью на черном пиджаке он вошел, громыхая протезом, в кабинет редактора. Нет, он не был согласен оставить записные книжки майора Эндью и зайти, как принято в подобных случаях, через несколько дней за результатами. Он настаивал, чтобы их прочли немедленно, в его присутствии.

Редактор не мог отказать в приеме увечному офицеру из хорошей семьи, но он решительно не в состоянии был тратить свое драгоценное время на чтение каких-то ископаемых записных книжек. Ему было не до записок. Он так и заявил Паттерсону в своем несколько старомодном стиле, которым гордился, как щеголь с Пиккадилли своими сверхновомодными штиблетами.

– Дорогой мистер Паттерсон, – сказал он. – Сейчас, когда Англия засучив рукава занялась восстановлением всего того, что разрушили гитлеровские разбойники, сейчас, когда Англия позволяет себе отвлечься на считанные мгновения от этих священных работ только для того, чтобы утереть свои слезы по ее славным сынам, убитым на полях сражений с проклятой нацистской Германией, редактор такой газеты, как та, которую я имею честь редактировать, не имеет права тратить свое время на немедленное чтение рукописи, да еще такой объемистой, если она не идет в ближайший номер.

На это Паттерсон возразил, что именно по причинам, столь красноречиво приведенным уважаемым редактором, он вынужден настаивать на немедленном прочтении дневников. Или он будет поставлен перед необходимостью, к величайшему и искреннейшему своему сожалению, отнести их в другую газету.

Поражаясь своему ангельскому терпению и в то же время в какой-то степени уже подзадориваемый любопытством, редактор вызвал одного из своих заместителей, и тот в присутствии Паттерсона прочитал-таки все четыре книжки майора Эндью от доски до доски.

– Та-а-ак, – протянул заместитель редактора. – Вы это сами сочинили?

– Я уже говорил вам, сэр, что я их нашел.

– Похоже, что все это – выдумка. Изделие бойкого памфлетиста.

Паттерсон пожал плечами.

– Но ведь сам покойный мистер Уэллс не отрицал, что его «Война миров» не более как фантастический роман, – продолжал заместитель редактора.

Паттерсон снова молча пожал плечами.

– Вы не были с этим в других редакциях?

Паттерсон отрицательно покачал головой.

– Вы не снимали с них копий?

Тон, которым, как бы между прочим, был задан этот вопрос, заставил Паттерсона насторожиться.

– Нет, – ответил он самым правдивым голосом.

– Так-так, – протянул после некоторого раздумья заместитель редактора, – пойду поговорю с шефом.

Он вернулся минут через сорок деловитый, улыбающийся, сердечный, бесконечно благодетельный.

– Хорошо, – сказал он, – мы берем ваши дневники. Но при одном обязательном условии: никто не должен знать об их существовании и о том, что вы их передали в наше распоряжение. Газетные сенсации имеют свои законы.

– Но... – попытался было возразить Паттерсон.

– Конкуренция властвует и в газетном мире, – развел руками заместитель редактора. – Такой материал должен обрушиться на читателя внезапно, как... – он задержался, чтобы подыскать подходящее сравнение, – ну, как бомба, что ли...

Паттерсон осведомился, когда хоть приблизительно редакция рассчитывает опубликовать дневники Велла Эндью, и получил искренние заверения, что они будут опубликованы немедленно, как только представится первая возможность.

Затем они перешли к денежной стороне вопроса. Паттерсон получил в качестве первого аванса сумму, о которой он и не мечтал. То есть именно о такой сумме они с невестой мечтали, обдумывая, как получше устроить свое будущее семейное гнездышко. Но он и подумать не мог, что их случайная находка может сулить им в качестве первого аванса такое материальное благополучие. Он подписал обязательство, о котором шла речь выше, и получил чек.

Прошло не менее года, прежде чем Паттерсон решился узнать в редакции о судьбе дневника майора Эндью. Ему объяснили, что сейчас, когда разумно мыслящие англичане уже отдают себе отчет в том, что с немцами, пожалуй, поступили жестоковато, опубликование дневников майора Эндью было бы на руку только России и всемирному коммунизму.

Впрочем, если господин Паттерсон почему-либо не согласен с мнением редакции, он может получить записные книжки обратно, разумеется, вернув одновременно аванс.

С таким же успехом Паттерсон мог бы оплатить расходы союзников по высадке в Нормандии.

К тому же он никак не был настроен действовать на благо мировому коммунизму. Это не было в традициях Паттерсонов.

Примерно такие же ответы он получал каждый раз, когда в последующие годы обращался в редакцию насчет судьбы записных книжек Эндью.

Понемножку он стал привыкать к мысли, что этим дневникам, видимо, не суждено появиться на свет, так как они и в самом деле могут быть использованы русскими и красными против Западной Германии, а следовательно, и всего западного мира. Мистер Паттерсон продолжал читать газету, которая в течение четырех поколений была непререкаемым авторитетом для его семьи, и он сравнительно легко проникся мыслью, что тот, кто против коммунизма и за западный мир, должен держать сторону господина Аденауэра. Ему стало несколько не по себе значительно позже, когда в Англии, правда, пока что на договорных началах, появились первые отряды западногерманских военных.

Тогда он снова нацепил на свой черный пиджак медаль и пошел объясняться в редакцию. Его принял все тот же заместитель редактора, потому что эта редакция не зря славилась здоровой консервативностью, и все в ней было столь же неизменно, как медвежьи шапки и красные мундиры королевской гвардии и мешок с шерстью под задом лорда-канцлера в палате лордов.

Заместитель редактора принял Паттерсона с прежним радушием.

– Дорогой мистер Паттерсон, – сказал он, – сейчас, когда Англия гостеприимно открыла свои объятия для западногерманских воинских частей, сейчас, когда Англия предоставила западногерманским воинским частям не свою территорию, как угодно говорить некоторым безответственным демагогам, а всего лишь танкодромы, мне хотелось бы, чтобы вы знали, что это совсем не те немцы, против которых вы так славно сражались, а совсем-совсем другие немцы. Они искренние наши друзья. Они готовы умереть за каждый дюйм нашего старого острова. Больше того, они готовы сражаться с любым легкомысленным англичанином, который помешает им умирать за Англию. И потом, сэр, я взываю к вашим традиционным чувствам. Англичане всегда были гостеприимны с людьми, особенно молодыми, которые приезжали к нам для продолжения своего образования под сенью британских свобод. Разве молодые немцы, прибывшие на наши танкодромы, не приехали к нам учиться? Почему же нам не относиться к ним, как ко всем студентам, прибывающим в нашу страну? Мне чужды, сэр, ваши необоснованные подозрения. Я верю в искренность и непоколебимость их чувств к Англии. И поверьте

мне, сэр, если они проявят малейшие тенденции использовать во вред нам наше гостеприимство, я первый настою на немедленном, на немедленном опубликовании дневников майора Велла Эндью.

– Значит, как ко всем студентам? – переспросил Паттерсон и встал, скрипя протезом.

– Ну да, – ответил заместитель редактора, порываясь сунуть ему свою руку в знак того, что лично он считает разговор исчерпанным.

Паттерсон, казалось, не заметил этого жеста.

– Но почему нельзя публиковать дневники Эндью, если к нам в Англию прибыли несколько хорошо вооруженных подразделений западногерманских студентов?

– А аналогии? Немедленно у читателей возникнут аналогии. И всякие там мысли.

– Ну и отлично! – сказал Паттерсон. – Именно поэтому я и пришел. Сейчас самое время публиковать записки.

Заместитель редактора с сожалением развел руками.

– Мысли мыслям рознь. И аналогии. Это не те мысли, сэр, и не те аналогии, которые мы, наша газета, хотели бы вызывать у своих читателей. Наша газета, сэр, слишком дорожит мнением своих читателей. Да вы присядьте, пожалуйста, мистер Паттерсон.

Но Паттерсон продолжал стоять.

– Я полагаю, что именно в эти дни, когда тысячи и тысячи англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев поднялись в поход против американских атомных баз с ракетами «Тор», против грозящей нам чудовищными опасностями базы американских подводных лодок с ракетами «Поларис» в Холли-Лох...

Заместитель редактора впервые позволил себе почти невежливо перебить своего уважаемого гостя:

– Чепуха, сэр! Че-пу-ха! Базы как базы, лодки как лодки, ракеты как ракеты... Безответственные, невежественные люди и плохие патриоты тратят свое время и подметки на недостойную травлю наших союзников и наших министров...

– Сэр! – воскликнул внезапно охрипшим голосом Паттерсон. – Я хотел бы, чтобы вы знали, что завтра и я отправляюсь в поход в Холли-Лох!..

– На одной ноге?

– Вот именно, на одной ноге. Другая осталась в операционной полевого госпиталя, и я ее отдал, в частности, и за то, чтобы у нас не заводились на исконной британской земле иностранные ракетодомы, аэродромы и базы подводных лодок с этими трижды проклятыми «Поларисами».

– Они трижды благословенны, дорогой мистер Паттерсон.

– Не верю. И поэтому я настаиваю на опубликовании дневников Эндью.

– Какое они имеют отношение к этому вопросу?

– Смею утверждать, самое непосредственное.

Заместитель редактора второй и последний раз развел руками.

– Сожалею, сэр, но у меня уйма текущих дел.

Паттерсон правильно понял его слова и немедленно покинул редакцию...

Поздней ночью в конце апреля прошлого года я разговорился с несколькими иностранными туристами, следовавшими «Красной стрелой» из Москвы в Ленинград. Поговорили и разошлись по своим купе. Весь вагон уже давно спал, когда ко мне кто-то тихо постучался. Это был высокий и плотный англичанин лет сорока пяти. Я узнал его: часов до двух ночи мы с ним тихо беседовали в коридоре вагона, у окошка, за которым ничего не было видно. Его почему-то заинтересовало, что я писатель. Я говорю «почему-то», ибо сам он не имел к писательскому ремеслу никакого отношения.

Несколько удивленный столь поздним визитом, я пригласил его войти: я был один в купе. Англичанин вошел, закрыл за собой дверь, молча вынул из-под пиджака довольно объемистую рукопись, приложил палец ко рту, передал мне рукопись, крепко пожал руку и ушел, тяжело ступая протезом левой ноги...

Ранним утром, когда проводник уже убрал постели, а до Ленинграда еще было сравнительно далеко, он рассказал мне все, что изложено мною выше.

Поезд уже подходил к ленинградскому вокзалу, когда я спросил у Паттерсона, как ему удалось узнать про судьбу таинственного бака, выброшенного темной ночью сорокового года на берег Темзы. Он успел только сообщить мне, что на другой день после прочтения дневников майора Эндью он бродил в районе своей удивительной находки именно с этой целью. Первый день розысков ничего не дал. На второй день ему встретился старик садовник одного из ближайших домов. Он-то и рассказал Паттерсону, не сразу, а после очень долгих и настойчивых расспросов, историю с появлением и исчезновением бака. Старик сказал, что тоже видел ржавую длинную жестяную коробку из-под бисквитов, но не обратил на нее никакого внимания. Паттерсон спросил, почему он не рассказал никому об огромном баке, рассыпавшемся, как сигарный пепел. Потому что он не хотел, чтобы его приняли за сумасшедшего, ответил мистер Соббер. (Фамилия садовника была Соббер.) Ответил, нервно рассмеялся и пошел прочь, так и не сказав больше ни слова.

Такова предварительная история, которую нам хотелось предложить вниманию читателей дневников майора Велла Эндью.

2

Четверг, 18 июня.

Трудно представить себе более идиотское времяпрепровождение. Целый вечер мы переливали из пустого в порожнее. Сначала эти нелепые разговоры про Марс, про загадочные вспышки на нем. Гадали, что это вулканы или не вулканы. Арчи говорил: вулканы. Остальные возражали: что это за чудные такие вулканы, в которых извержения происходят ровно один раз в сутки и точно в одно и то же время? Тогда Арчи (в который раз) начинал выкладывать перед нами свои школьные познания насчет регулярных извержений исландских гейзеров, и все начиналось сначала.

А эти четверо молодых джентльменов из Ист-Сайда, которых Арчи коллекционирует с тех пор, как решил увлечься социализмом! Они молчали и ухмылялись, словно находились в зоопарке перед клеткой с мартышками!

Кончили с Марсом, и началась столь же плодотворная и организованная дискуссия о социализме. (Ого, у меня, кажется, родился неплохой каламбур: «Покончили с Марсом и принялись за Маркса»! Не забыть вставить его как-нибудь завтра во время обеда в клубе. Это каламбур с большим будущим, или я ничего не понимаю в каламбурах.)

Арчибалд начал свою последнюю, но уже порядком надоевшую арию насчет того, как все будет хорошо, когда уже больше не будет плохо. Львы будут запросто водиться с ягнятами, все будут ходить чистенькие, добренькие, дружно щипать травку и возносить хвалу всемогущей технической интеллигенции, которая-де осчастливит человечество райским житьем через два-три дня после того, как ей будет вручена вся полнота власти.

На это один из ист-сайдских юнцов – его зовут Том Манн или как-то в этом роде – соизволил заметить, что он и его товарищи придерживаются несколько иной концепции и что, по их, ист-сайдских юнцов, просвещенному мнению, социализм может победить только тогда, когда за это дело вплотную возьмутся рабочие. Он даже сказал не «рабочие», а «рабочий класс»!

Сколько раз я давал себе слово не вмешиваться в подобные разговоры! Но наглое невежество этого мальчишки меня взорвало. Нет, я, конечно, не унизился до спора с этим юным демагогом. Я просто позволил себе заметить, обращаясь исключительно к моему чересчур увлекающемуся кузену Арчи, что классы существуют только в воспаленном воображении тех джентльменов, которым с определенных пор не дают покоя чужие богатства. В действительности же каждому мыслящему и интеллигентному человеку известно, что никаких классов не было и нет, а имеются умные люди и люди глупые, бережливые и моты, верующие и безбожники, упорные и слабовольные, трезвенники и пьяницы. Умные, бережливые, упорные и не забывающие бога люди не шляются по кабакам и не треплют там языками, болтая о классах в промежутке между двумя кружками пива, а откладывают фартинг к фартингу, пенс к пенсу, шиллинг к шиллингу, фунт к фунту. Такие люди становятся в конце концов, и, конечно, с божьего соизволения, уважаемыми дельцами, негоциантами, промышленниками, банкирами – цветом нации. Я уже не говорю о нашей родовой аристократии, которая приобрела свое высокое положение в государстве верной службой Британии, короне и церкви.

Я твердо рассчитывал, что молодые джентльмены с Ист-Сайда найдут в себе хоть то небольшое количество собственного достоинства, которое требовалось, чтобы оскорбиться по поводу моего прямого намека насчет их кабацких споров и уйти. Но юный мистер Манн в ответ на мой намек, я бы даже сказал – плевок, только усмехнулся да еще так снисходительно, точно он имел дело не с майором королевских войск, верой и честью прослужившим почти двадцать лет в Индии и Египте, а с деревенским мальчишкой, не научившимся еще правильно держать в руке вилку и нож.

Неизвестно, к чему привело бы продолжение этой недостойной перепалки, если бы в это время лакей не принес Арчибальду вечерние газеты. В них на виднейших местах были напечатаны очередные статьи, трактовавшие лично мне осточертевшую «загадку вулканов на Марсе», и все в гостиной моего милого кузена завертелось сначала.

Я плюнул и ушел. Вечер был на редкость теплый и светлый. Я не стал нанимать кеба и не заметил, как дошел до моей одинокой квартиры. Я шел и думал. Сначала я думал о Дженни и ребятах. Они уже третий день гостят у ее родителей, в их усадьбе недалеко от Эдинбурга. Стал бы я ходить к этому лентяю и типичной штафирке Арчибальду, если бы дома меня не томило непривычное одиночество. Потом я почему-то вспомнил об этом развязном Томе Манне и его собутыльниках, и мне, признаться, вдруг стало страшно при мысли, что получилось бы, если бы такие, как он, вдруг взяли верх над порядочными людьми и заняли бы места в правительстве его величества!..

Пятница, 19 июня.

Часов в двенадцать Арчи прислал своего лакея с приглашением на сегодняшний вечер. К нему, видите ли, собираются в гости несколько джентльменов из общества Фабия Кунктатора. Снова будут разговоры про социализм, про святую всемогущую и равноапостольскую техническую интеллигенцию, про всякие там «новые пути». Слуга покорный! Надоело! Я так и написал ему в обратной записке.

Ел в клубе прелестный черепаховый суп. Бифштекс сегодня был не совсем удачный. Полковник Кокс полностью со мной согласен. И насчет супа и насчет бифштекса. Приятный человек полковник Кокс! Джентльмен с головы до пят. Приятно, что у нас с ним так часто совпадают мнения. Мой новый каламбур имел у него потрясающий успех. От смеха он едва не уронил свой монокль в суп. Сразу после обеда он не замедлил повторить мой каламбур доброй дюжине влиятельнейших членов клуба, и я ходил в именинниках. Мы закурили с полковником трубки и весь вечер вспоминали о нашей службе в Индии. Жаль, что мы там ни разу не встретились. Правда, я почти все время служил в Бомбее, а полковник – в Бенгалии, где-то около Калькутты. Счастливые, невозвратные, поистине чудесные времена!.. Полковник уже третий год командует Н-ским полком, и я нисколько не удивлюсь, если вскоре я буду иметь честь и удовольствие дружить с генералом Коксом. Поговаривают, что он вскоре будет принят при дворе. И опять-таки ничего удивительного: он племянник маркиза Вуудхеда и двоюродный брат Стоунбека, того самого Эллиота Стоунбека, который заворачивает всеми свинцовыми рудниками в Рио-Тинто.

Что и говорить, в высшей степени лестное знакомство! И многообещающее. Особенно если учесть, как дружески он ко мне относится. Очень приятный джентльмен! Если бы я мог позволить себе некоторую чувствительность, я бы сказал, что я попросту люблю моего глубокоуважаемого друга полковника Кокса. Преотличный джентльмен. Сегодня же напишу Дженни о том, как мы с ним подружились. Пусть она там тоже порадует своей удаче.

Снова возвращался домой пешком. Странно, нет-нет да и мелькнет в голове воспоминание о Томе Манне и его компании, и на душе сразу становится как-то удивительно мерзко, словно наглотался скверного рома или вспомнил о приближении срока уплаты по большому векселю.

Суббота, 20 июня.

Намыливая мне щеки, Мориссон спросил, не слыхал ли я каких-нибудь подробностей о снаряде, упавшем вчера ночью на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингем. Я сказал, что не слыхал. И что скорее всего это обычные вымыслы досужих людей. Никаких артиллерийских полигонов в этом районе нет, нет, следовательно, и артиллерийских стрельб, так что

и снарядам на эту пустошь падать неоткуда. Тогда Мориссон произнес нечто такое, что я от удивления чуть не свалился со стула. Он сказал:

– Поговаривают, сэр, что это не наш снаряд... что это, смешно сказать, сэр, снаряд с Марса.

Я так смеялся, что чудом избежал страшнейших порезов. Я чуть не рыдал от смеха. Несколько придя в себя и утирая слезы, я посоветовал Мориссону выпить успокоительных капель и впредь не болтать подобной чепухи, если он хочет, чтобы его уважали порядочные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.